

Рена Арзуманова

МОСТ ЧЕРЕЗ ЖИЗНЬ

Сборник рассказов

Рена Арзуманова

Мост через жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416573

ISBN 9785005057884

Аннотация

Автор берёт читателя за руку, как мама ребёнка, – и переводит через мост длиною в жизнь. На этом мосту встретятся разные люди – и мужик в генеральской папаше, который вовсе не генерал, и решительная женщина-психолог и шестидесятилетний мужчина, и рыжеволосая красавица с белой кожей. Они будут говорить разными голосами и с разной интонацией, но все об одном – что необязательно жить так, как надо. Можно ведь жить и как хочешь. И что у тебя уже всё для этого есть. Анна Филагрина

Содержание

Приблуда	5
Карл у Клары украл часть жизни, а Клара у Карла украла...	32
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мост через жизнь

Рена Арзуманова

© Рена Арзуманова, 2019

ISBN 978-5-0050-5788-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Rena Arzumanova BRIDGE THROUGH LIFE

Collection of Short Stories (Russian Edition)

The author grabs the reader by the hand, just like an overprotective parent, and leads him over a bridge the length of a lifetime. The reader will meet many people on the bridge: a man dressed as a general, who isn't a general at all, a very decisive female psychologist with an impeccable sense of humor, an elderly gentleman, who sees a weird dream that changes his whole life and a fiery redhead with porcelain skin sitting on a beach next to the Pacific Ocean. They will have different voices and intonations, but the message will all be the same – you don't have to live your life the way you should, you should live your life the way you want. You have everything you need. It is a simple concept, but the reader, a child stepping on the bridge, has still so much to learn.

Приблуда

Пса, который лежал под лавкой, Ольга Михайловна заметила издалека. И сразу же испортилось настроение.

Вечно к ней кого-то прибывает. К ней самой, к её квартире, к её могилам.

Ольга Михайловна, не торопясь, шла проложенной между оградами дорожкой, которая была скользкой из-за утренних заморозков, и думала о том, что на кладбище ни души, а от этой собаки не знаешь чего и ждать. А вдруг она бешеная? Или злая какая-нибудь? А лопата лежит под той же самой лавкой, под которой затаилась собака. Так что получается, что собака вооружена и клыками, и лопатой, а она, Ольга Михайловна, как всегда, не готова к нападению. Мама так и говорила – живёшь, как ковыль на ветру. Ни камня у тебя за пазухой, ни мыслей умных в голове. Оттого, по мнению мамы, к ней одни дураки липли. Другие, кто поумнее, от дураков отбивались, а Ольга... Но в этом вопросе Ольга Михайловна с мамой была не согласна. Правда, не возражала, в спор не вступала, отмалчивалась, но... Не соглашалась, нет. Никакие дураки к ней не липли. Она, как вышла замуж за Михаила, так и прожила с ним тридцать лет. Как один день. И, уж если быть честной, к ней и до Михаила никто так уж сильно не лип. И замуж она вышла совсем не рано. Мама всех, кто появлялся на её горизонте, приглашала

в гости и прессовала своим интеллектом. Так давила, что тихо и интеллигентно выдавливала всех кандидатов на любовь и дружбу из ее жизни. А Михаил неожиданно остался. Сидел, набычившись, будущей тёще не возражал, интеллектом не блистал, но и путей к отступлению не искал.

А ещё Ольга Михайловна думала о том, что в городе уже весна, а на кладбище зима всё ещё подмораживает. Всё ещё диктует свои условия. Почему так? Ольге Михайловне вообще нравилось задавать самой себе вопросы, на которые не существовало однозначного ответа. Нравилось витать в облаках, как считала мама.

– Ну? – обратилась она к собаке, остановившись у ограды. – Иди отсюда! Иди давай! Тебя мне ещё не хватало. Приблуда!

Собака, не издав ни звука, ещё глубже забила под лавку. Её била крупная дрожь, и морда была покрыта инеем.

– Господи, – проговорила Ольга Михайловна и обречённо вздохнула. – И давно ты тут лежишь? Земля-то совсем холодная. Снег только-только сошёл. Живёшь-то ты где?

Собака жалобно заскулила и забила хвостом по земле. Ей очень хотелось сочувствия в виде чего-нибудь съестного.

– Недавно... – Ольга Михайловна по-своему поняла собаку. – А мои тут давно лежат. Папа уже пятьдесят лет как умер. Я совсем девочкой была. Мамы десять лет как не стало. А Мишенька, муж мой, год как меня оставил. Вот так вот. Так что твоих тут нет. Ты, приблуда, могилой ошиблась.

Шла бы ты подобру-поздорову.

Собака аккуратно выползла из-под лавки, села у могилы Михаила и опустила голову. Агрессии она никакой не проявляла.

– Так я войду? – спросила Ольга Михайловна и, выждав минуту и убедившись, что собака продолжает смотреть внимательно, но не зло, тихонько открыла калитку в ограде и прошла к лавочке. Поставила сумку. Достала из неё аккуратно сложенное старое полотенце и бутылку с водой.

Собака внимательно следила за Ольгой Михайловной. Шевелила ушами и не проявляла никакой готовности покинуть территорию.

– Сейчас мы с тобой памятники помоем, а потом помянем. Ты, поди, голодная? Я вот не очень голодная. Я, честно говоря, вообще как-то без аппетита в последнее время живу. Без интереса. Одной жить скучно. Помолчать не с кем. А как стало не с кем помолчать, я такой разговорчивой заделалась. Даже самой смешно. Так что можем с тобой поговорить, пока я памятники мою. Я вот тебе признаюсь, что при отсутствии аппетита дома на кладбище я почему-то ем с удовольствием. Ем немного, но в охотку. Даже и не знаю почему. Вроде как на природе. Вроде как пикник. И тишина вокруг очень интересная. Птицы поют, электричка гудит вдалеке. И вроде как не одна... Со своими... – Ольга Михайловна смочила полотенце водой из бутылки и начала с памятника мужа. – Я вообще люблю на кладбище приходить.

Тебе, приبلуде, могу признаться. Странно, да? Да ладно, ты хвостом-то не бей. Я сама знаю, что странно. Но мне тем не менее нравится. Может, конечно, потому, что мне больше ходить не к кому. Мои все тут лежат. Не к Райке же ходить? Райка не в счёт. Я к ней ходить не люблю. Да и не хожу почти. Райка – это сестра моя. Двоюродная. Ехидна такая. Всю жизнь у нас в квартире юбкой мела. Тю-тю-тю да тю-тю-тю. Сколько раз и я, и мама ей на порог указывали, а с неё – как с гуся вода. Она даже одно время на Мишу моего наострилась. Так мне казалось. Райка, конечно, отказывалась. А кто в такой ситуации отказываться не станет? А Миша в её сторону даже и не смотрел. Верным он был очень. А мама говорила, что не верный он, а себе на уме. Кто же из тёплой квартиры да от полной тарелки уйдёт? А я маме возражала, что у Райки, мол, тоже квартира. И готовить она любит. Но мама моих возражений не слушала, только рукой на меня махала. А Мишу она не любила. Приблудой его называла. Потому как негородской он был. Без квартиры. Ну и что с того, что без квартиры, правда? Вот и ты со мной согласна. Киваешь. Да и как тебе не согласиться, если ты и сама приبلуда. Самой жить негде. Так вот. Мама мужа моего просто не выносила. А Райка эта во всём ей поддакивала. А я так понимаю, что она свой интерес имела. Всё надеялась, что Миша не выдержит и уйдёт. От меня к ней уйдёт. А он остался. И мама, как мне сейчас кажется, Райку привечала именно потому, что надеялась, что Миша уйдёт...

Ольга Михайловна, закончив протирать могилы, выжала уже ставшее грязным полотенце, аккуратно сложила его в сумку. Села на лавочку. Собака внимательно смотрела на женщину. Помнила, что после уборки начнут поминать. Что такое «поминать», собака не очень понимала, но хотелось попробовать. Вдруг это «поминать» окажется вполне себе вкусным.

– Хорошо-то как, – тихо проговорила Ольга Михайловна. – Люблю я спокойно посидеть после уборки. Не знаю, подходит ли к кладбищу определение «благодно», но мне тут благодно. Только одна мысль всё время мучает: кто меня хоронить будет? Я, конечно, помирать ещё не собираюсь, но всё же? Райка, поди. Больше и некому. А кто Райку потом похоронит? Эх, поторопился Миша. Права была мама: никакой от него пользы не случилось. Ты знаешь, пока мама жива была, я Мишу любила, а как мамы не стало, что-то со мной произошло. Начала его мамиными же словами попрекать. И приبلуда он, и ленивый, и безрукий. И как-то раз в сердцах сказала, что и не мужик он вовсе. А после того, как и его не стало, всё думаю: что же произошло со мной тогда? Получается, что я мужа любила вопреки маме? Чтобы её позлить? Так у меня же и в мыслях не было злить её. Для чего? И что со мной тогда произошло, что я стала вдруг вести себя, как мама? Молчишь? Не знаешь, что сказать? Вот и я не знаю...

Собака молчала и выжидательно смотрела на Ольгу Ми-

хайловну. Когда их взгляды встречались – собака красноречиво переводила взгляд на сумку. Она, конечно, готова была поддержать разговор с этой суматошной женщиной, но не на пустой же желудок. На пустой желудок на такие серьёзные вопросы, которые перед ней ставит незнакомка, и не ответишь. Собака знала за собой эту черту: когда она голодная, она не может трезво рассуждать. Всё, что в жизни с ней плохого случилось, – случилось на голодный желудок. А из этой сумки, которая стоит на скамейке, доносятся такие изумительные запахи! Сумка пахнет домом и любовью. Мясом и чем-то сладким. Если ей, собаке, предоставят выбор, то она, конечно, выберет мясо. А потом любовь и дом. А потом уже что-то сладкое. Но это на голодный желудок. А если бы она делала выбор на сытый желудок, то, само собой, сразу выбрала бы любовь. Она успела заметить, что к любви в этой жизни непременно примешиваются и дом, и мясо, и что-то сладкое для баловства.

– И деток у нас с Мишей не случилось. Это плохо, – Ольга Михайловна достала из отдельного пакета очередное чистое полотенце. Смочила его оставшейся в бутылке водой, протёрла лицо и руки. – Если бы были детки, то я бы не беспокоилась о том, кто хоронить меня будет. Хотя, конечно, хочу я тебе сказать, случаются и такие дети, что и не захочешь, чтобы они тебя хоронили. У Райки тоже детей нет. Да Райка и замужем-то не была. Не нашлось на неё кандидата.

Я вот в последнее время часто думаю: если бы я была

с Мишей своим подбрее, может, он и пожил бы ещё. Чего мне не хватало? Какого рожна? Ну, тихий он был. Неприспособленный. Зато и не ругался никогда. Я ему слово, а он в ответ молчит. Я – два, а он только плечами пожимает. Недоуменно так пожимает. Получается, что всю жизнь мужик недоумевал: за что ему жена с тётцей такие сварливые попались? И как мне теперь с мыслями этими жить? Все мы, скажу я тебе, задним умом сильны. Или вот ещё о чём я думаю: если бы Миша устал от моего ворчания и ушёл к Райке, может, у них и детки бы родились. И было бы кому нас с Райкой похоронить. И я бы сейчас не с тобой Мишу поминала, а с его детками. Или не поминала бы. Кто поминает бывших мужей?

Ольга Михайловна достала из сумки кусок старой клеёнки. Расстелила аккуратно на лавочке. Затем выложила на клеёнку толсто нарезанную и завёрнутую в кальку колбасу, два варёных яйца, домашние пирожки и одно пирожное «картошку». Собака, шумно сглотнув слюну, не отводила взгляда от импровизированного стола. Она прекрасно понимала, что самой хватать со стола продукты нельзя. Даже и думать об этом не стоит. За такое можно и по морде получить. В людях собака разбиралась хорошо. И знала, что никто не потерпит такого разнузданного поведения. А она потерпеть ещё несколько минут вполне себе может. Когда уже понятно, чем твоё терпение вознаградится, тогда и голод уже не так страшен. Собака подумала о том, что ей сегодня

крупно повезло. Наткнуться на такого доброго человека, который руками не машет, не кричит да ещё ласково называет приблудой, – это большая удача! Она, собака, об этих людях много чего знает. Много чего нелицеприятного. Но говорить об этом не торопится. Не в её это правилах.

– Голодная, поди? – спросила Ольга Михайловна. – Если бы я знала, что буду не одна поминать, то больше бы продуктов захватила. А так беру всего понемногу. Пирожные вот мама любила. Приношу маме одно. Михаил большим любителем пирожков был. Очень мои пирожки уважал. А я их ему часто не пекла. Из вредности наверное. А теперь вот, как на кладбище собираюсь, пеку. И всё думаю: а оно ему теперь надо? Или это мне теперь надо? Эх, кабы знать, что он так торопливо уйдёт. Ничего мне напоследок не сказал. Ни слова. Молча жил, молча ушёл. И мне не дал возможности повиниться. Не захотел снять груз с моей души.

Ольга Михайловна вздохнула и внимательно посмотрела на фотографию мужа. Где-то там, за горизонтом, прокричала электричка. Собака наострила уши. Она этот звук не любила. Столько с этими электричками неприятного связано. Последний вот хозяин привязал её к лавке в электричке и ушёл. Для чего привязывал, спрашивается? Ему достаточно было просто ворота дома открыть, и она бы сама ушла. Или не ушла бы. Предавать и уходить – это не в собачьих правилах. Повезло с хозяином – твоё счастье. Не повезло – тоже счастье. Жить совсем без хозяина – это совсем последнее

дело. Собака позволила себе тихо заскулить. Гораздо тише, чем скулила эта электричка. Надо же как-то человеку о себе напомнить? Напомнить о том, что они тут собрались помянуть и, может подкормить ее а не разговоры разговаривать. Вон как все пахнет..

Ольга Михайловна вздрогнула, оторвала взгляд от фотографии на памятнике и принялась чистить яйца. Собака глубоко вдохнула воздух. Да-а, всё, что было выложено на клеёнке, очень вкусно пахло. Гораздо вкуснее, чем снег и свежий воздух, которым так любят наслаждаться люди. Но собака людей за это не осуждала. Она знала, что люди слабо разбираются в запахах. О чём говорить, если они не могут по запаху определить любовь. А это, на взгляд собаки, самый важный запах. Даже важнее запаха домашних пирожков и колбасы.

– А что любил папа, я не очень помню. Ему приношу колбасу. Мне кажется, что колбасу все мужчины любят. А яйца приношу для порядка. Какой пикник без яиц? Правда?

Ольга Михайловна протянула очищенное яйцо собаке. Та очень аккуратно взяла яйцо с ладони и проглотила, даже разжёвывать не стала. Капля слюны скатилась в снег.

– Какая же ты голодная! – поразилась Ольга Михайловна. – А я, честно говоря, даже и не думала, что собаки яйца едят. У меня собак никогда не было. Как-то раз хотела кошку завести, но мама сказала, что ей и мужа моего хватает. Сказала, что одного приبلуды в доме достаточно.

Собака, отреагировав на видимо полюбившееся слово «приблуда», забила хвостом и позволила себе негромко поскулить. Совсем-совсем негромко. Просто чтобы подтвердить, что яйца она любит. И колбасу любит. И домашние пирожки. И ей, собаке, совсем неважно – с чем эти пирожки. Она всякие за свою жизнь ела: и с картошкой, и с вареньем, и с сосиской. И даже пару раз ей перепадали пирожки с мясом. Свежими они уже, конечно, не были, пахивали даже. Но ей, если уж быть откровенной, всё равно мясные пирожки больше понравились. Гораздо больше, чем свежие с вареньем. Собака вообще считала себя некапризной. Считала, что очень подходит для любви и домашнего проживания. Она никого не переделывает на свой лад, в еде непривередлива, честная и очень верная. В ней есть все те качества, которые люди упорно ищут друг в друге и не всегда находят. А если и находят, то тут же начинают сомневаться – любит, не любит. Верит, не верит. Это потому, что не различают запахи. Эх, если бы она, собака, могла говорить человеческим языком, она бы людям всё разъяснила. Хотя, с другой стороны, лучше не говорить. Ей, собаке, достаточно и общения с себе подобными.

Вот как-то раз, когда она ещё жила на даче со своим хозяином, ещё до того, как он её привязанную в электричке оставил, собака, которая жила на соседнем участке за забором, рассказала, что ей хозяйка кашу варит на мясном бульоне. Она, конечно же, соседской собаке сразу поверила. Собаки

не врут. Но представить кашу на мясном бульоне не получилось никак! Она даже в дырку в заборе на соседскую собаку посмотрела. Такая замухрышка – маленькая, ушки торчком, шерсти нет, только хохолок птичий торчит. А ей – кашу на мясном бульоне! Нет, людей понять очень сложно.

Ольга Михайловна, немного подумав, протянула собаке пирожок. Мясной запах кружил голову. Проглотив пирожок, собака от восторга закатила глаза и почувствовала готовность следовать за этой доброй женщиной хоть на край света. На самый-самый край. Туда, где нет электричек, хохлатых собак, но есть каша на мясном бульоне. Есть верность, любовь и уверенность в завтрашнем дне. Есть дом. Или будка во дворе. Или коврик у порога. Собаке не было важно где спать.

– Что же мне с тобой делать? – Ольга Михайловна сначала внимательно посмотрела на собаку, затем на продукты, выложенные на клеёнке. – Я, конечно, могу всё тебе отдать. Мне не жалко. Но вдруг тебе потом плохо станет? С голодухи-то?

Собака, поразившись сказанному, тихо гавкнула. Как это – станет плохо от еды? Плохо может быть только с привычного голодания! И грустно от привычной нелюбви окружающих. Собака, вытянув шею, положила голову на колени женщины. Она не знала, как ещё в данной ситуации объяснить, что она, собака, без каких-либо неприятных последствий для здоровья может съесть всё. Совершенно все! Если

не пожалеют.

– Ах ты, боже мой... – Ольга Михайловна от неожиданности вся подалась назад и чуть не упала с лавки. Затем аккуратно, подавляя страх, положила руку на собачью голову. Собака зажмурила глаза. Женщина погладила собаку. Наткнулась на верёвку, обвязанную вокруг шеи. Под густой, свалывшейся шерстью верёвка сразу была не видна. На веревке виднелись следы крови. – Ах ты, боже мой!

Собака замерла. В этом, во второй раз произнесённом женщиной «Ах ты, боже мой» ей почудился явный запах любви. Запах был гораздо сильнее, чем от «приблуды».

– Кто же это тебе верёвку на шее так затянул? Какой умник? Какой такой зверь?

Ольга Михайловна повела рукой вдоль верёвки, чтобы нащупать узел. А вдруг как удастся развязать. Узел оказался крепким. Завязывали так, чтобы на всю оставшуюся собачью жизнь. Рядом с узлом болтался металлический жетон, на котором было выбито слово «Миха».

– Миха! – поразилась Ольга Михайловна. Она вскрикнула так громко, что собака моментально открыла глаза и отпрянула от женщины. – Тебя зовут Миха?

Собака смотрела во все глаза на женщину. Что-то изменилось. Что-то эту женщину так потрясло, что до ненависти остался всего один шаг. Или до любви. До такой любви, которая надолго. Собака замерла. Она боялась сделать что-то не так. Ненависти ей совсем не хотелось. Тем более сейчас,

когда они так славно начали угощаться яйцами и пирожками. Наверное, лучше не признаваться, что её зовут Миха. Ей, если честно, и самой это имя не нравится. Ни у кого не получалось произносить это имя нежно, с любовью. С той самой любовью, которая изумительно пахнет, когда женщина произносит «приблуда» или «ах ты, боже мой».

– Ах ты, боже мой! – повторила Ольга Михайловна и перевела внимательный взгляд с собаки на памятник. Она смотрела на портрет мужа и что-то там сама себе придумывала. Затем взяла в каждую руку по пирожку и протянула собаке. Та не заставила себя уговаривать. Она с удовольствием приняла угощение. К её радости, и эти пирожки оказались мясными. Ольга Михайловна погладила собаку по голове. – Извини меня. Извини меня, дуру. Я теперь буду часто печь пирожки. При жизни тебя не баловала, так хоть сейчас...

Собака подошла поближе, вновь положила голову на колени женщине и счастливо заскулила. Она очень любила скулить на сытый желудок и от счастья.

Ольга Михайловна не распознала в собачьем вое запаха счастья. Она уловила что-то совсем другое. Прикрыла лицо руками и горько заплакала. Плакала и понимала, что это как раз те слёзы облегчения, которые она так ждала весь последний год. Собака подвывала.

– А знаешь что? – проговорила Ольга Михайловна сквозь слёзы и нежно обняла собаку. – Пойдём домой! Пойдём домой, мой дорогой! Я буду тебя баловать и никогда больше

не буду называть приبلудой!

– Ах ты, боже мой, – радостно взвизгнула собака. – Ах ты, боже мой! За тобой – хоть на край света! Какая же ты замечательная!!!

– Какая же ты дура! Для чего ты привела в дом этого пса? Ты посмотри на него – грязный, облезлый! Ещё, небось, и блохастый!

– Сама ты блохастая! – сорвалась на крик Ольга Михайловна.

– Вот – обзывать ты всегда мастерицей была! А подумать, прежде чем что-то сделать, – это нет! Это не твоё! Ноги моей больше не будет в твоей квартире! Ты и так чистоплотностью не отличалась, а уж с собакой твоя квартира в хлев превратится!

– И не приходи! Подумаешь! Тебя и сегодня никто не приглашал!

– Что значит – не приглашал? – Райка явно растерялась.

– Сегодня же год, как Миши не стало. Помянуть надо. С кем ещё тебе мужа поминать, как не со мной.

– Я вот с собакой уже помянула! – не сдержалась Ольга Михайловна. – С собакой куда как лучше, чем с тобой! Спокойнее!

– С собакой лучше? С собакой спокойнее? – Райка вновь перешла на крик. – Ну и поминай с этой собакой приبلудной! А я домой пошла.

Райка резко отодвинула стул и присела к столу. Поджала губы. Ни на сестру, ни на собаку она не смотрела. Смотрела на портрет Михаила, который висел на стене.

Собака тоже старалась ни на кого не смотреть. Она заби- лась в угол, мелко тряслась и думала о том, как бы не сде- лать чего лишнего, чтобы из дома не выгнали. Надо сначала разобраться, кто кому кем приходится. Эта горластая Райка, которая пришла незваной, только прикидывается злой и ум- ной. А на самом деле она добрая. Собака своему нюху дове- ряет. Надо бы, конечно, на эту Райку полаять для порядка, чтоб не очень-то она голос повышала. А вдруг как она хозяй- кина дочь? На ребёнка гавкнешь, а тебе в ответ – по морде. Люди иногда не понимают, что полаять можно и для пользы дела. Не со зла, а в воспитательных целях. А в родственных хитросплетениях и возрасте собака не разбиралась вообще. Это не её собачья тема. Её дело – любить и защищать. А Олю, которая накормила и привела домой, собака уже полюбила всем сердцем. Так ей казалось.

– Где ты эту собаку подцепила? – спросила Райка и по- подвинула к себе сумку, которую, как пришла, так у дивана в сердцах и бросила. Вид этой облезлой собаки испортил ей настроение.

– На кладбище, – спокойно ответила Ольга Михайловна. Она знала, что Райка отходчива и сама тоже никогда в бу- тылку не лезла.

– Оля! – Райка всплеснула руками. – Что ж ты дура-то

такая! С кладбища ничего нельзя домой приносить.

– Я ничего и не приносила. Собака своими ногами пришла.

– Своими ногами... – передразнила Рая и полезла в сумку. Собака вся подалась было вперёд, но сдержалась и осталась на месте. Она давно уже чувствовала, что из сумки очень вкусно пахнет.

Рая аккуратно вынула и поставила на стол бутылку красного вина, банки с винегретом и салатом. Завёрнутую в фольгу и всё ещё тёплую буженину. Достала маленькую кастрюлю с куриными котлетами, которые очень любила Ольга Михайловна, В отдельной кастрюле – картофельное пюре, заправленное жареным на сливочном масле луком.

Собака громко сглотнула обильную слюну и забила хвостом по полу.

– Как ты всё это донесла? – спросила Ольга Михайловна.
– Донесла. Не в первый раз. На тебя в плане еды положиться нельзя.

– Почему это? – моментально обиделась Ольга Михайловна. – Я с утра пирожков напекла, какие Миша любит. И ещё у меня колбаса есть.

– Колбаса... – вновь передразнила Райка. – Неси свои пирожки. А колбасу собаке оставь.

Собака довольно заурчала. Она поняла, что не ошиблась в этой Райке. Нормальная женщина. Не вредная. Не может быть злым человек, который не жалеет еды для незнакомой

собаки.

– А ты мне не указывай, что делать! – вскипела Ольга Михайловна. – Колбасу тоже на стол поставим. А собаке я кашу потом сварю. На мясном бульоне. У меня бульон остался.

Собака закатила глаза и замерла. Даже дышать перестала. Боялась неверным движением спугнуть то самое счастье, на которое она даже и не надеялась, но неожиданно дождалась. Она не могла ошибиться – Ольга говорила именно о каше на мясном бульоне. Видать, не только облезлым и хохлатым такое сытое счастье приваливает. Но и таким красивым, как она. Собака искренне считала себя очень красивой.

– Ты? Ты будешь варить кашу? – в голосе Райки слышался сарказм. – Ты даже мужу кашу не варила, а собаке будешь?

– Буду! Этой собаке буду!

Собака тихонько подошла к сидящей на диване хозяйке, положила морду ей на колени и преданно посмотрела в глаза.

Ольга Михайловна нежно погладила собаку и улыбнулась. Вдруг подумалось: как давно она не улыбалась. Ей очень хотелось рассказать Райке, что это не просто собака. Это Мишина душа к ней вернулась. А раз вернулась, значит, простила все прочие обиды и прегрешения. Безгрешных людей не бывает. Но души умерших возвращаются только к тем, кто этого заслуживает. Только к тем, кто прощён. И, вдохновлённая этим, в принципе самой себе назначенным прощением, Ольга Михайловна постановила себе быть впредь доброй и терпеливой со всеми, кто её окружает. А окружают

её только Райка и собака. Райка окружает давно, а собака – с сегодняшнего дня. Очень хотелось рассказать сестре всё то, о чём она передумала с того самого момента, как прочла на жетоне имя «Миха». Но что-то останавливало, очень боялась быть непонятой.

Райка внимательно смотрела на сестру. Что-то новое появилось в выражении её лица. Что-то совсем Ольге несвойственное. Мягкость какая-то. Влюбилась она, что ли? И в кого? На старости-то лет? Уже пять лет на пенсии, а туда же... Хотя эта Оля всегда была какой-то блаженной. Как хотела, так и жила. И всё ей легко давалось, в то время как Раю жизнь обошла по всем фронтам.

– А почему Мише кашу не варила, а этой собаке будешь?

– Мише не готовила, потому что дурой была.

– А теперь поумнела? – Райка с удивлением смотрела на сестру. На её памяти Оля впервые высказала критику в свой адрес.

– Поумнела.

– И кого за это благодарить надо?

– Мишу, – произнесла Ольга Михайловна после недолгого колебания и нежно почесала собаку за ухом.

– Какого Мишу? – испуганно спросила Рая. Умом, что ли, Оля тронулась?

– Мужа моего. Покойного.

Ольга Михайловна блаженно улыбалась. Ей вдруг стало

всё равно, что о ней подумает сестра. Собака учуяла это самое блаженство, исходящее от хозяйки, и счастливо прикрыла глаза. Она не любила плакать на людях, но так хотелось! Ей впервые хотелось плакать от счастья.

– Как собаку-то назвала? – спросила Райка.

Ольга Михайловна вздрогнула и посмотрела на собаку. Та напряглась и отвела взгляд от хозяйки. Решалось что-то важное. Такие моменты собака хорошо чувствовала. Очень напряжённый запах. Как бы не выгнали... Райка с удивлением смотрела то на сестру, то на собаку. Такое ощущение, что промеж ними есть какая-то тайна. Смешно, конечно. Какая такая тайна может быть у Ольги, да ещё с собакой.

– Приблудой назвала. Как же ещё, – Ольга Михайловна погладила собаку по голове и мысленно попросила у неё прощения за это маленькое предательство. Обещала ведь, что не будет называть приблудой. Ну, не повернулся у неё язык назвать настоящее имя собаки.

Собака облегчённо вздохнула и лизнула руку хозяйки. Она не ошиблась! Не зря ей сразу же понравилось слово «приблуда». Не зря! Теперь она знала точно, что Приблудам кашу варят. Приблуда – это тебе не Миха. Это что-то совсем другое. Это новая жизнь. Лучшая жизнь.

– В этом ты вся! Вся твоя вредная сущность. Мишу всю жизнь приблудой называла, теперь вот собаку! Найдёшь у живого существа больное место – и бьёшь по нему. Если

ты ей действительно будешь кашу варить, то она этой кашей подавится!

Собака от возмущения зарычала. Ольга Михайловна придержала её за верёвку, которую до сих пор не догадалась срезать.

– О! И собака тебе под стать! Ни добра в ней, ни порядочности. Рычит на меня! Ей дай волю – она и покушает.

Ольга Михайловна одной рукой продолжала удерживать собаку за верёвку, второй гладила её по голове, призывала к молчанию. Успокаивала. Успокаивала собаку и прислушивалась к себе. К своим новым мыслям. Новым чувствам. Почему-то совсем не хотелось вступать с этой суматошной, но, в принципе, такой привычной Райкой в перепалку.

Собака думала о том, что, судя по всему, эта Райка совсем не последний человек в жизни хозяйки. Если не ребёнок, то явно любимица. Иначе Ольга не стала бы её, собаку, успокаивать. Иначе дала бы вволю полаять и порычать. Люди часто склонны выяснять отношения с недругом чужими клыками или руками других людей. Надо попробовать порычать ещё раз. Громче и смелее. И внимательнее приняться к реакции. Собака глубоко втянула воздух. Вкусно пахло чем-то мясным и спокойствием, которое исходило от хозяйки. А от Райки пахло недоумением. Она никак не могла уловить настроения Ольги. На скандал не ведётся, непривычно тихая и даже какая-то умиротворённая. Точно влюбилась. А она, Райка, всё время пролетает мимо любви. А ведь млад-

ше Ольги. Как-то не так она живёт, что ли? Что-то не то делает?

Райка вздохнула о чём-то своём, затем положила котлету на кусок хлеба и протянула сестре. И собаку осенило! Видимо, Райка хозяйку подкармливает! Вот она ей кто! Поэтому хозяйка столь терпелива. И собака с ней согласна. На того, кто обеспечивает еду в твоей миске, голос лучше не повышать. Нет, пожалуй, больше не будет она рычать на их, теперь уже общую с хозяйкой, кормилицу.

Райка тем временем открыла бутылку вина и разлила по бокалам. Один из бокалов протянула сестре и, неожиданно для самой себя, достала из кастрюльки ещё одну котлету и протянула собаке.

– Ешь, Приблуда. Твоя хозяйка кашу тебе ещё не скоро сварит. Да ты, поди, к кашам и непривычная. А раз непривычная, то нечего и баловать.

Собака пропустила мимо ушей это «нечего и баловать». К котлетам она, между прочим, тоже непривычная. Котлетами её прежде тоже не баловали. Собака мимоходом порадовалась тому, что не ошиблась в Райке: ворчливая, но добрая. Она без лишних уговоров съела котлету и всхлипнула. Не могла поверить своему счастью. Боялась, что не справится с эмоциями и на радостях сделает лужу. А это уж точно никому не понравится. Жизнь собаку, конечно, не баловала, но многому научила.

Ольга Михайловна с бокалом в руке продолжала сидеть на диване. Думала о том, что уже очень давно они с сестрой так мирно не сидели. Всё время что-то делили. Собачились. Не уступали друг другу ни в чём. А теперь, с появлением собаки, всё изменится. Ольга почему-то была в этом уверена. С собакой в доме они все будут жить дружно. Как под Мишиным присмотром. Ох, как она перед ним виновата! Как виновата! Замучила она его своими придирками. И ведь сама от этой злости удовольствия не получала. Ольга Михайловна смахнула слезу. Собака заскулила.

– Давай, Оленька, Мишу твоего помянем, – Райка, не чокаясь, отпила из бокала вино. – Хороший был мужик. Спокойный. Терпеливый.

Собака наострила уши, перестала бить хвостом по полу и настороженно посмотрела на Райку. Она только сегодня познакомилась со словом «поминать», и оно ей очень понравилось. Поминать – это вкусное яйцо и мясные пирожки. А Миха – это её прежнее имя. И как её имя связано с поминками – она не понимала. Не понимала и очень боялась, что это непонимание выйдет ей боком. Боялась сделать что-то не так. Она готова не реагировать на имя Миха, но не реагировать на слово, которое пахнет мясными пирожками, у неё не получится. Она это точно знает.

– Хороший, – подтвердила Ольга Михайловна и тоже отпила вино и, неожиданно для себя самой, спросила: – Райка, скажи мне, хотела ты Мишу моего увести?

– Мишу? Увести? Куда? – Рая выглядела очень растерянной.

Ольга Михайловна не стала отвечать. Подумала, что Райка сейчас и сама всё поймёт. Поди, не дура. И, честно говоря, уже жалела о том, что спросила. Какой смысл сейчас, когда Миши нет, отношения выяснять.

Рая потрясённо смотрела на сестру. До неё начал доходить смысл вопроса.

Собака внимательно следила за женщинами. Думала о том, что уже полюбила обеих. Такие они добрые, суматошные и беззащитные. И настроение у них меняется очень часто. Ну, ничего, она, собака, со временем во всём разберётся. Всё разнохает. И будут они жить под её собачьим присмотром и защитой. А когда хороший человек под защитой, то и настроение всегда будет хорошим. Собака это точно знает.

– Ты что это такое говоришь, Оля? Как тебе такое в голову пришло?

– Прости меня. Прости меня, дуру, – Ольга Михайловна погладила сестру по руке и пожала плечами так, как когда-то пожимал Миша. Она вдруг поняла, что это пожатие помогает не втянуться в склоку. Помогает сохранить мир.

– Он всего раз ко мне пришёл, – тихо произнесла Рая. Ольга Михайловна вздрогнула и моментально отёрнула свою руку. – Без тебя пришёл. Давно. Лет двадцать назад.

– А ты?

– А что я? Я борщ ему налила. Полную тарелку. Я как раз

с утра борща наварила.

– А он?

– А что он? Начал есть. А как доел – закрыл лицо руками и заплакал.

– Кто заплакал? Миша?

– Да.

– А ты?

– А что я? Я не знала, что делать, когда мужчина плачет. При мне прежде никогда никто не плакал. А потом вдруг сказала ему: «Если хочешь – оставайся». Сдуру сказала, Оленька. Поверь мне, сдуру!

– А он?

– А он погладил меня по руке и сказал: «Пойду я. Оля тоже хорошо борщ готовит. А может, ещё и детки будут. Не старые мы ещё». А потом добавил: «Не могу я предавать. Мне, наверное, надо было собакой родиться».

– А ты? – Ольга Михайловна прикрыла глаза и негромко заплакала.

– А что я? – Райка пожала плечами. – Я-то ведь знала, что ты борщ варить не можешь. И этим было всё сказано.

– И что? – спросила Ольга Михайловна и отдала собаке надкусанную котлету, которую всё ещё держала в руке.

– Ничего. Поняла, что он тебя любит.

– А я вот ничего не поняла из того, что ты тут наговорила. Ольга Михайловна посмотрела на собаку. Собака моментально положила морду ей на колени и преданно загля-

нула в глаза.

– Грязная она какая-то, собака эта, – произнесла Рая. Она торопилась сменить тему неприятного разговора.

– Грязная, – согласилась Оля.

– И в проплешинах вся. Болеет, поди. Надо бы её марганцовкой обработать. Или ещё чем.

– Обработаю.

– Давай помогу.

– Давай, – Ольга Михайловна внимательно посмотрела на сестру. Вспомнила, как они вместе обрабатывали маме пролежни. Как она вообще могла об этом забыть?

– Только надо бы её искупать сначала.

– Искупаем. Вода, слава богу, есть.

Собака сидела у ног Ольги и боялась спугнуть удачу. Если женщины планируют её искупать и что-то чем-то будут ей обрабатывать, то, значит, точно не выставят её на улицу. А обработку она потерпит. Это не самое страшное в жизни. И не надо ей никакой каши! Не надо! И подстилки красивой не надо! Ей достаточно знать, что она теперь Приблуда. Достаточно ладони хозяйки на голове, поминок, надкусанных котлет и той любви, которая сейчас витает в воздухе. Такого сильного запаха любви она прежде не встречала.

– Марганец-то у тебя есть?

– Есть.

– Молодец, – похвалила Рая. – Хозяйственная ты.

Ольга Михайловна улыбнулась и пожала плечами. Её

очень давно никто не хвалил. То ли было некому. То ли было не за что.

– А знаешь что? – неожиданно произнесла Ольга. – Переезжай-ка ты к нам жить. Что мы с тобой, как два сыча, по разным углам ютимся?

– К кому это – к вам? – уточнила Рая. Казалось, что предложение сестры её ничуть не удивило.

– К нам – это ко мне и к Михе.

Собака вздрогнула, но тут же взяла себя в лапы. Она давно уже научилась прощать ошибки и оговорки людям. Миха так Миха. Она не будет спорить и выяснять отношения. Собака еле заметно пожала плечами и улеглась так, чтобы находиться в одинаковой близости к обоим женщинам.

Рая внимательно смотрела на сестру. Какой Миха? Чтото Оля начала заговариваться. Может, что с головой не то. Они уже, конечно, обе не девочки. Действительно, надо бы съехаться. Ольге и самой уже пригляд нужен, а тут ещё и собака прибилась к ним. Да, именно к ним.

– А квартиру твою сдавать будем, – Ольга Михайловна оживилась. – Какой-никакой, а доход. Ты сможешь с работы уйти. Будем гулять, на кладбище ходить вместе. И Михе радостно будет.

Собака, услышав слово «гулять», моментально поднялась на лапы. Погулять бы ей совсем не помешало. Женщины продолжали сидеть. В воздухе сильно пахло тихой любовью. Собака могла различить много оттенков запаха любви. Гу-

лять с ней никто не торопился. Ничего, подумала собака, она со временем приучит их к дисциплине. Любовь любовью, но и порядок должен быть во всём.

– Переезжай, Рая – Ольга Михайловна погладила сестру по руке.

– Ну, если ты считаешь, что Михе от этого будет радостно...

Собака, не справившись с нахлынувшими на неё чувствами и запахами, громко залаяла и, подскочив к Райке, лизнула её подбородок. Собака не любила, когда хозяева плачут. Даже если эти слезы не пахли ни обидой, ни злобой.

Карл у Клары украл часть жизни, а Клара у Карла украла...

В утренний сладкий сон Евгении ворвалась весёлая трель телефонного звонка.

– Да. Я слушаю, – проговорила она в трубку, не открывая глаз. Она надеялась, что это кто-то ошибся номером и у неё будет возможность ещё поспать. Муж уже ушёл на работу. Он самостоятельный. Утренний кофе и горячий завтрак обеспечивает себе сам. И сын, накормленный мужем, ушёл. Будить её, кроме как тому, кто позвонил и ошибся, – некому. Так что есть ещё надежда.

– Доброе утро, Евгения Николаевна. Вас беспокоит администратор Тамара, – противный голос администратора Центра психологической помощи, в котором работала Женя, рассеял все надежды на сон. – Московское время девять утра. На одиннадцать утра у вас записан клиент.

Евгения дала отбой и открыла глаза. Откуда взялся этот клиент? Вчера, когда она уходила с работы и посмотрела расписание на сегодняшний день, она порадовалась тому, что ранних клиентов нет. И Томка хороша! Взяла за моду – звонить по утрам и противным голосом сообщать неприятные новости. С Тамарой Евгения знакома более двадцати лет. Они дружат с первого класса. И в центр на работу Тому взя-

ли по её рекомендации. Женя убедила руководство, что если у них будет администратор с таким душевным голосом, как у её подруги, то количество клиентов возрастет. Тома же, которая не знала, что на работу её взяли в расчёте на душевные интонации, начала говорить холодным голосом диктора центрального телевидения. Ей казалось, что так солиднее. И, что самое удивительное, количество клиентов в центре возросло.

Евгения решила перезвонить подруге на мобильный телефон.

– Доброе утро, солнышко, – нежный голос Тома заставил её улыбнуться и отложить все претензии на потом. – У тебя на одиннадцать запись.

– Вчера этой записи не было.

– Вчера не было, а сегодня есть.

– По чьей инициативе?

– По желанию клиента.

– Клиент желал именно меня?

– Нет. Клиент желал срочно.

– Срочно? А ты ему объяснила, что у нас не скорая помощь, а консультации психолога?

– Да, объяснила.

– И он продолжал настаивать на срочности?

– Да, – коротко ответила Тома.

Сердце у Евгении болезненно сжалось, споткнулось и застучало тревожно в висках. Ни вчерашний вечер, ни спокой-

ная ночь без сновидений – ничто не предвещало, что сегодняшний день начнётся так неудачно.

– Ты заподозрила попытку суицида? – Женя знала об этой способности своей подруги. Тамара каким-то образом определяла серьёзность ситуации по интонациям говорившего по телефону.

– Нет, что ты, никакого суицида. Он хочет разводиться с женой.

– Разводиться? Ты ему объяснила, что у нас не загс?

– Жеееенечка, – ласково проговорила Тома. – Перестань капризничать. Поднимайся, собирайся и бегом на работу. Кофе я тебе сварю. Крепкий, сладкий, с кардамоном. Такой, как ты любишь.

– Я не капризничаяю, Томочка. Я просто хочу понять – откуда этот клиент взялся? Я вчера уходила последней, и этой записи не было.

– Я его сегодня записала. Он позвонил в восемь пятьдесят.

– Что ты так рано делала в офисе?

– Я всегда прихожу пораньше, чтобы подготовиться к рабочему дню. Варю кофе, проветриваю помещения. Создаю уют.

– Вот что бы тебе дома уют не создавать? – пробурчала Евгения.

– Жееееенечка, – проворковала Тома. – Дома у меня всегда чистота и порядок.

– Томк, я вот что хочу тебе сказать. Тебе, подруга, самой

нужна консультация психолога. Вот скажи мне, как тебе живётся со всеми этими твоими девять ноль ноль и восемь пятьдесят? Ты же никогда никуда не опаздываешь, никого не подводишь. Тебя начальство ценит. Это серьёзные симптомы, Томочка.

– Хорошо, – покладисто проговорила Тамара. – Хочешь, запишусь к тебе на завтра в восемь десять?

– Нет, не хочу. Ты мне лучше объясни, почему ты этого нового клиента ко мне записала?

– У него голос был очень взволнованный. Я его пожалела. А ты хороший специалист.

– В следующий раз пожалей меня. Дай мне возможность выспаться.

– В следующий раз обязательно, Женечка.

– Как хоть его зовут?

– Георгий.

– Боже мой, – проговорила Евгения и, не прощаясь, дала отбой. С подругой она могла позволить себе не церемониться. Томка – она не психолог. Она обычная уютная женщина. Она не станет анализировать, копаться в подсознании, делать выводы. Она поймёт и простит. Простит и пожалеет. Пожалеет и сварит кофе. Именно такой, как она, Евгения, любит.

Георгий и Иван

– Не люблю я этот бар, ты же знаешь, – Иван отхлебнул из своего бокала светлое нефiltroванное пиво и с осуждением посмотрел на друга. – Тут всегда шумно. А мне хочется тишины.

– Зато тут пиво хорошее. Всегда свежее. А в бары, брат, как раз за пивом и ходят, а не за тишиной. Тишина – она или в музеях, или дома. Но там нет пива. А у меня дома и тишины нет. Понимаешь, нет в жизни счастья. Вернее, отдельные элементы этого самого счастья есть, но в общую картину они не складываются. Вот так вот, старик.

– Ты становишься философом. Значит, если верить Сократу, тебе не повезло с женой, – Иван отставил бокал и внимательно посмотрел на друга. Георгий отвёл взгляд. – Или с мамой.

– Маму оставь в покое, – Георгий выступил в защиту родительницы как-то вяло, без прежней убеждённости. Было件нятно, что в данный момент его что-то сильно волнует.

Гораздо сильнее, чем сыновние чувства. – Я решил разводиться.

– С кем? С Эммой Львовной?

– Перестань, – Георгий болезненно поморщился. – С женой развожусь, Ваня. Устал я.

– И правильно, – Иван одним глотком допил пиво. Поперхнулся. Закашлялся. Георгий ударил его кулаком по спине. Со стороны могло показаться, что затевается драка. – Полегче, полегче. Я к твоему предполагаемому разводу

не имею никакого отношения. Но не буду скрывать, я рад, что ты принял такое решение.

– Рад?

– Да. Ты разведёшься – я женюсь.

– На ком?

– Да уж не на Эмме Львовне. Я, видимо, не такой отчаянный, каким был твой папа в молодости. Я, Герка, на Танюхе твоей женюсь.

Георгий поморщился. Он не любил, когда его полное имя заменяли всякими сокращёнными вариантами. Мама его с самого детства называла только Георгий. Она с ним не заигрывала, не сюсюкала. Она растила его настоящим мужчиной. Особенно после того, как ушёл отец. Мама добровольно не вышла замуж во второй раз. Она посвятила себя сыну. Она не хотела, чтобы он оказался таким же безответственным, как отец. Мужчина должен уметь отвечать за семью. За жену и ребёнка. Георгий не знал, как преподнести маме новость о разводе. Это её убьёт.

– Не знаю, как сказать об этом маме. Это её убьёт.

– Что её убьёт? То, что я женюсь на Таньке?

– На ком ты женишься? – неуверенно переспросил Георгий и впервые за вечер осмысленно посмотрел на друга.

– На моей жене?

– Ну, к тому времени, когда я на ней женюсь, она перестанет быть твоей женой. Она будет свободной женщиной. А жена друга, старик, для меня табу.

– А с какой это радости моя жена станет свободной женщиной?

– Так ты же разводиться собрался. Или ты думаешь, что Эмма Львовна тебя от этого решения отговорит? Нет, брат, не отговорит. Ты слишком хорошего мнения о своей маме.

– Перестань, слышишь? – Георгий начал заводится. – Я с тобой как с другом делюсь. А ты? Что ты себе позволяешь?

– А ты на что рассчитывал? Что ты тут будешь сопли жевать, а я тебе буду подавать платочки? Чтобы сплёвывал и не поперхнулся? Нет, брат.

– Да ни на что я не рассчитывал, – Георгий поднял руку, подозвал официанта, заказал ещё пива. – Накипело просто. Не знаю, что делать.

– Хочешь совет?

– Валяй.

– Валяю. Напомни маме, что у неё есть своя квартира. И сопроводи её туда под белы ручки. Это первое. Поверь мне, Эмма Львовна никогда не опустится ни до инфаркта, ни до нервного срыва. Это я тебе как врач говорю. Здоровье у неё железное. И нервы крепкие. Она, конечно, поплачет на руинах твоей семьи, позаламывает руки, а затем, засучив рукава, начнёт тебя спасать. А ты, Герка, своим убогим умом подумай – от кого тебя спасать будут? От Таньки, которую ты любил больше, чем самого себя? Если бы я тогда не понял, как ты её любишь, то я бы её у тебя отбил, поверь мне!

От сына тебя твоя мать спасать будет? Это твой сын, Герка! Твой!

– И сын мой, и жена моя, согласен. Но ведь и мама моя...

– А мама – она твоей и останется, поверь мне. В определённом возрасте мама для мужика чем дальше, тем роднее и понятнее. Во всяком случае, такая мама, как твоя. Без мамы ты проживёшь. Тем более что Эмма Львовна никогда не позволит себе отстраниться на сто процентов, набеги она совершать будет. Я таких, как она, хорошо знаю. Я хирург, Гера, я привык резать по живому. Но Танька – она более жизнеспособна, она более здоровой орган, её надо спасать. Я не буду унижать ни тебя, ни себя просьбой не разводиться. Разводись, если припекло. Таня не пропадёт. Пострадает, помучается, но не пропадёт. Может, даже сильнее станет. А ты? Ты без руки жить сможешь? Знаешь, попробуй привязать правую руку к туловищу и поживи так один день. Если ни разу о руке не вспомнишь, то разводись. А я женюсь. Я не шучу.

– Я убью тебя!

– Да ты что? – Иван завёл руки за голову, сцепил пальцы, расправил плечи. Смотрел весело. Открыто. – А ты как себе всё представляешь? Ты ушёл, а Танюха до конца своих дней тебе верность хранить будет?

– Мама хранила.

– Мы сейчас не о твоей маме говорим, – голос Ивана стал более жёстким. – Думай о себе. О Тане. Об Антошке. Пацану

отец нужен. Пусть даже такой бесхребетный, как ты.

– Ты фильтруй, что говоришь.

– Я фильтрую. Я, брат, только пиво нефилтрованное люблю. А во всём остальном я противник примесей. Вот и ты отфильтруй свою жизнь. И хочу тебе сказать, что вовсе не Танька с Антошкой должны остаться в осадке. Да что я говорю! При разводе в осадке останешься ты. Ты, Гера. Тебя твоя маман так собой накроет, что ты не всплывёшь, захлебнёшься. Будешь болтаться на дне, как скользкий ил. И я тебя спасти не стану. Я с добровольными утопленниками не работаю. Я спасаю только тех, кто борется. Слушай, могу дать ещё один совет. Сходи к психологу. Не выбирай специально к кому, к первому попавшемуся запишись. И всё ему честно вывали. Как на духу. И если человек, который не знает тебя, не знает твою маму, не любит твою жену так, как любишь её ты или как смог бы полюбить я, поставит тебе такой же диагноз, то спасай свою семью, и будет тебе счастье. Ну а уж если нет, то разводишься.

– Я вообще не могу понять, о чём ты говоришь. Какой ил, какой психолог? Какие там органы ты собираешься удалять и кому? И что значит – ты женишься на моей жене? Я не понимаю!

– Ты знаешь, это даже хорошо, что ты не понимаешь. Хороший симптом. Очень даже обнадеживающий.

– Почему? Ты считаешь меня дураком?

– Нет, дураком я тебя не считаю. С дураком я бы дружить

не стал. Просто мне нравится то, что ты тормозишь, – Иван улыбнулся и с удовольствием отхлебнул пиво. – Если бы ты сейчас быстро во всё врубался, я бы сделал вывод, что ты решение уже принял, что мозги твои от сомнений свободны. А ты тут сидишь, пиво пьёшь, со мной разговариваешь, а сам всё время о чём-то думаешь. Взвешиваешь, сомневаешься. Переживаешь. Это хорошо. Я по сей день, когда удаляю банальный аппендицит, не позволяю себе быть уверенным. Я сомневаюсь! Я сомневаюсь, Герка! Я всё время во время операции думаю об операции. И если мне кто-то, когда я накладываю швы, скажет, что женится на моей жене, я тоже не сразу врублюсь.

– А ты действительно женишься на Тане?

– Во всяком случае, предложение ей сделаю. Но до этого ещё далеко. До этого тебе ещё надо сходить к психологу, установить диагноз, принять решение и...

– А какой диагноз ты мне поставил?

– Утопленник. Безрукий, бесхребетный утопленник...

Маменькин сынок, короче.

Георгий и Евгения

– Здравствуйте, Георгий. Меня зовут Евгения. Можете называть Женей или Жекой. Как вам удобнее.

– Здравствуйте. А меня, если вам несложно, называйте только полным именем. Все остальные варианты меня раз-

дражают.

Клиент сидел на самом краю дивана в позе боксёра. Плечи сведены, напряжённый наклон головы, руки лежат на коленях, пальцы сжаты в кулаки. Смотрит недоверчиво. Исподлобья. Захотелось погладить его по голове. Как маленького. Но Евгения не считала правильным проявлять жалость и сострадание к тем, кто приходил в её кабинет.

– Конечно, Георгий. В мои планы вовсе не входит вас раздражать.

Георгий смотрел неуверенно. Не мог решить, как себя вести. Ёршиться или довериться. Женя решила, что доверчивые отношения в планы клиента не входят. Явно пришёл не по собственной инициативе. Надо дать ему время освоиться, почувствовать себя увереннее. Стать инициатором следующего вопроса. Евгения потянулась к столу, взяла свой рабочий блокнот. За годы работы она пришла к выводу, что мужчинам очень нравится, когда она во время сеанса ведёт записи. Любят мужчины, когда их слова записывают и цитируют. Психолог сделала первую запись: «Что-то Томка плохо выглядит. Надо бы пригласить её на бокал вина». Евгения представила себе вечер вдвоём с любимой подругой и невольно улыбнулась. Любила она проводить время с Томочкой.

– Вы надо мной смеётесь? – задиристо спросил Георгий.

– Я не смеюсь, я улыбаюсь.

– Чему?

– Просто так, Георгий. Без повода.

– Не понимаю...

– Просто день хорошо начался. Я люблю рано вставать. Особенно зимой, когда за окном ещё темно.

– Вы это серьёзно?

– Да, – уверенно произнесла Евгения. Ради работы можно и приврать. Лишь бы на пользу пошло. – А что нравится вам, Георгий?

– Мне? – Георгий отвёл взгляд и замолчал. Неужели у него ответ на каждый вопрос будет вызывать такие трудности, подумала Евгения. Нет, что ни говори, а с женщинами работать гораздо легче. Женщина к психологу приходит как к подруге, открыв все свои душевные закрома и шлюзы. С готовностью плачет и отвечает на вопросы. Вывыливает из себя то, о чём и сама не подозревала, и искренно удивляется забытым пластам своей жизни. И тут же начинает эти залежавшиеся пласты перепаживать. Я и лошадь, я и бык. Я и баба, и мужик... Женщины у психолога работают на износ, как археологи. Копают и копают. – Я даже и не знаю, что мне нравится.

– Не знаете, что вам нравится, или не хотите свои пристрастия озвучить?

– В чём вы меня подозреваете?

– Вас? Ни в чём, что вы. Георгий, вам нравится рано просыпаться?

– Мне?

– Да, вам, – Женя сделала очередную запись в блокноте:

«Я бы с таким сама развелась. Интересно узнать – кто его кукловод?»

– Нет, не нравится. Я люблю поспать. Но у меня нет такой возможности. Приходится работать.

– Приходится? Вам не нравится ваша работа? Или вам вообще не нравится работать?

– Что значит – мне не нравится работать? Я мужчина! А мужчина работать должен

– Должен, да, – легко согласилась Евгения и счастливо улыбнулась. Ей очень хотелось, чтобы Георгий почувствовал, что им восхищаются. Её восхищение поможет ему расслабиться и стать более открытым. – Это замечательно, что вы так высоко ставите чувство долга.

Георгий расправил плечи, расслабился, позволил себе немного более вольную позу. Облокотился на спинку дивана.

– Какое время года вам нравится? – Евгения решила сменить тему. Георгий моментально сгруппировался и вновь сжал кулаки. Очередная запись в блокноте: «Не любит неожиданной смены направлений. Привык жить по пунктам. Кто эти пункты расписывает?»

– В каком смысле?

– В прямом. У природы нет плохой погоды и есть четыре времени года. Какой предпочитаете вы? Зима, весна, лето, осень?

– Мне, в принципе, без разницы.

– То есть все периоды вашей жизни окрашены одинаково?

Нет ни цветения, ни листопада?

Георгий недоуменно пожал плечами.

– Постарайтесь ответить мне, Георгий. Пожалуйста. Сравните своё ощущение жизни с каким-нибудь из времён года.

– Наверное, зима, – неуверенно проговорил Георгий. – Всё под снегом.

– Снег? Чисто и холодно?

– Чисто, да.

– Вы любите чистоту и порядок?

– Да, люблю. Во всём.

– И любите, когда холодно и снежно?

– Нет, люблю, когда тепло.

– Тогда почему зима?

– Не знаю.

– Не потому ли, что я зиму назвала первой, когда перечисляла времена года? Вы озвучили то, что первым услышали.

– Не знаю, – Георгий выглядел растерянным.

– А в какое время года вы познакомились с женой? – Евгения внимательно смотрела на клиента. Ей была очень интересна его реакция на очередной неожиданный поворот в разговоре.

– Весной, – Георгий неожиданно улыбнулся и стал выглядеть гораздо моложе. – Мы познакомились весной. А летом уже поженились.

– Так почему разводиться решили зимой? Вы ещё не пережили свою общую осень.

– Разводиться? – Георгий как-то весь засуетился, поддёрнул рукава рубашки, расслабил узел галстука. – С чего вы взяли, что я решил разводиться?

– Я до начала нашего с вами сеанса просмотрела анкету, которую вы заполнили с администратором. Вы все пункты заполняли сами. В графе «Причина визита к психологу» вы написали – развод. И я взяла на себя смелость решить, что разводиться вы собрались с женой. С кем же ещё? – Евгения постаралась придать своему взгляду как можно больше навивного выражения.

– Да, конечно, – Георгий начал нервно выкручивать суставы пальцев. Женю этот глухой звук раздражал невероятно, но она продолжала улыбаться. Работа с клиентами научила её сдержанности, и эта сдержанность порой здорово помогала ей в отношениях с мужем. И муж, Евгения была в этом уверена, очень эту её сдержанность ценил. – Но я даже не предполагал, что вы причину визита к вам воспримете как окончательное решение.

– Нет, что вы. Если бы вы приняли окончательное решение, то вы бы пошли в загс.

– Я просто хотел обсудить...

– Конечно.

– Окончательного решения я ещё не принял.

– Естественно.

– Возможно, вы меня убедите, что разводиться не стоит.

– Возможно. Только убеждать я вас не буду. Возможно,

вы сами примете решение, что развод – это совсем не то, что вам необходимо на данном этапе жизни.

Георгий перестал хрустеть пальцами. Приосанился.

– А с женой вы уже обсудили предполагаемые изменения в ваших отношениях?

– Нет, что вы! Для чего?

– Что значит – для чего? Она лицо заинтересованное. Или вы боитесь, что жена с лёгкостью на развод согласится?

– Я ничего не боюсь.

– То есть вам безразлично мнение жены? И если она с радостью согласится на развод, у вас в душе ничего не дрогнет?

– При чём тут душа?

– А в какой части тела у вас обычно ёкает? – Евгения позволила себе дружескую улыбку. Георгий этого себе не позволил. Смотрел серьёзно. Даже осуждающе. Женя потянулась к блокноту: «Никакого чувства юмора. Жить с такими сложно».

– Что вы всё время пишете? Вы ставите мне диагноз?

– Диагноз? – Евгения с удивлением приподняла брови.

– Нет, что вы. Я диагнозы не ставлю. Я психолог, не психиатр.

– Не ставите? – Георгий выглядел разочарованно. Жене показалось, что он сейчас уйдёт, так и не раскрывшись.

– А вы пришли за диагнозом?

– Просто мне сказали... – Георгий не стал договаривать, кто и что ему сказал, и разочарованно развёл руки.

– Вы с кем-то обсуждали свой приход к психологу? Или обсуждали возможный развод?

– Нет, – быстро ответил Георгий. – Ни с кем ничего я не обсуждал. Это не в моих правилах. Мужчина должен сам разбираться со своими проблемами.

Евгения молчала. Она решила дать клиенту время на обдумывание. В блокноте появилась запись: «Во второй раз звучит слово „должен“. Надо оплатить сегодня коммунальные услуги».

– У вас нет друзей?

– Есть. Друг. Вернее, был. До вчерашнего дня.

– Вы приняли решения заодно развестись и с другом? Чем он вам не угодил? Чем он вам не угодил именно сейчас, когда мы с вами беседуем о вашем предполагаемом разводе с женой?

Георгий насупился и отвёл взгляд.

– Ваш друг и ваша жена – они знакомы?

– Да. Мы все познакомились в один вечер. Той весной.

– И вы с другом одновременно влюбились?

– Нет! Полюбил я! Во всяком случае, о его чувствах я ничего не знал!

– Хороший друг. А когда узнали?

– О чём?

– О его чувствах.

– Ничего я о его чувствах не знаю! Мужчины не обсуждают свои чувства! Мы говорим о футболе, о политике. О по-

сторонних женщинах, в конце концов.

«Только мне не надо говорить, о чём говорят мужчины» – подумала Евгения. Она взяла в руки блокнот, проследила за реакцией Георгия. Как только он понял, что диагноз она ему не ставит, её записи перестали его волновать. «Интересно, какой диагноз ему поставил друг?»

– Вы не делитесь своими чувствами с другом, не обсудили своё предполагаемое решение с женой, не хотите начать откровенный разговор со мной. На чьё мнение, кроме своего личного, вы ориентируетесь?

– Ни на чьё! – запальчиво проговорил Георгий. – Мужчина должен сам принимать решения.

– Должен. Конечно, должен. И зарабатывать должен. И не должен ни с кем обсуждать свои проблемы. И сам принимать решения должен. Но понимаете, Георгий, мужчины – они тоже люди. Такие же, как и женщины. Со своими слабостями, горестями и сомнениями. И жить в семье, но опираться только на своё чувство долга – это, на мой взгляд, не совсем правильно.

– А что правильно, на ваш взгляд? Что вы мне собираетесь посоветовать?

– Посоветовать? Нет, советовать я вам ничего не буду. Я могу только порекомендовать.

– Ну так рекомендуйте. Должна же быть хоть какая-то польза от нашего общения.

Евгения сделала вид, что не расслышала сарказма в сло-

вах клиента. Ну, хочется мужику выпустить пар – да ради бога. Ни в её кабинете, ни в её душе этот пар не осядет. И ошпарить её этим чужим паром невозможно. И ничто в ней не заржавеет.

– Я бы вам порекомендовала найти кого-то, с кем вы одинаково мыслите. Так сказать – единомышленника. Больше общаться с этим человеком. Иногда через общение с кем-то мы лучше понимаем самого себя. И хорошо было бы, чтобы человек этот относился к категории тех людей, кому вы ничего не должны.

Георгий отвёл от неё взгляд и задумался. Перебирал в уме своих знакомых. Неожиданно посветлел лицом.

– У меня такой человек есть. Мы мыслим одинаково. Но у меня не всегда получается общаться с ней на равных.

– Это женщина?

– Да.

– Вы в неё влюблены?

– Скорее нет. Но она мне дорога.

– Она ваша начальница?

– Нет.

– Георгий, мне приходится все ответы из вас вытягивать клещами. Если эта женщина вам симпатична и она не ваш начальник, то что мешает вашему общению на равных?

– Ну, я даже не знаю, – Георгий замялся и отвёл взгляд.

– Боюсь, что вы меня не поймёте. Жена в этом вопросе меня тоже не понимает.

– Я постараюсь понять. Мне это будет сделать легче, чем вашей жене.

– Почему?

– Хотя бы потому, что я вам не жена. Кто эта женщина?

– Это не совсем женщина. Вернее, совсем не женщина. И она не может говорить.

– Она немая? – участливо спросила Женя.

– Нет, – Георгий сделал глубокий вдох, задержал дыхание и прикрыл глаза. Со стороны казалось, что он готовится к прыжку в море с высокой скалы. Он точно знает, что прыгнет. Но не уверен, что выплывет. Не уверен, что будет понят. – Это моя собака.

– Собака? – Евгении удалось подавить в себе желание высказать клиенту всё, что она о нём думает. – Вы меня, мягко говоря, удивили. Когда я предложила вам найти единомышленника, вы мне сказали, что такой человек у вас есть. Но собака не человек, Георгий.

– Это вам она не человек. И моей жене она не человек. А по мне – очень даже человек! Лучший в моей жизни! Лучше жены!

– И лучше мамы?

– Какой мамы?

– Вашей мамы. Ваша собака лучше вашей мамы? У вас есть мама, Георгий?

– Да что вы себе позволяете! – вскинулся клиент. Вышел из себя, поняла Женя. И это хорошо. Вышедший из себя че-

ловек раскроется лучше. – Как вы можете сравнивать собаку с мамой?

Евгения решила выдержать паузу. Пауза необходима была не клиенту, а ей самой. Взяла блокнот. «Скорее всего, кукловод – это мама». Мамы – они бывают разные-всякие. И создающие, и разрушающие мир детей своей любовью.

– Вы же сравниваете собаку с женой. Я подумала, что нет большой разницы...

– Разница есть!

– Хорошо, разница есть. Я вас услышала и поняла. Евгения посмотрела на клиента и выдала свою самую обезоруживающую улыбку. Когда-то она часами репетировала эту улыбку перед зеркалом. Лучшее оружие при работе с женщиной. Этой улыбкой она как бы признавала своё согласие с его мнением, свою уступчивость, своё нежелание оспаривать мужское видение мира. Подумаешь – я психолог, ты клиент. Ты – Мужчина и поэтому прав! Как бы... Надо организовать специальные курсы для жён. Обучать всех желающих этой универсальной улыбке. И меньше станет разводов. Она, Евгения, в этом уверена.

Георгий смотрел на психолога, как человек, который споткнулся и теперь не уверен, что сможет идти дальше, не хромая. Смотрел настороженно. Что это она не оспаривает его мнение? Сидит, улыбается... Влюбилась, что ли? Это, конечно, приятно, что влюбилась, но всё равно нельзя ей позволять плохо говорить о маме.

– Если бы вы знали мою маму, то не стали бы сравнивать её с собакой, – проговорил Георгий.

– Да, я, к сожалению, с вашей мамой незнакома. Предполагаю, что она очень достойная женщина.

– Очень достойная, – подтвердил Георгий.

– А дети у вас есть?

– Сын.

– На кого он похож?

– На мою маму.

– Внешне?

– И внешне тоже.

– А на свою маму ваш сын похож?

– На кого? – Евгения поняла, что клиент запутался в родственных связях.

– На вашу жену.

– Непохож, нет.

– Жена, в вашем понимании, до мамы недотягивает?

– Недотягивает.

– А по каким критериям недотягивает? Мама лучше готовит? Лучше ухаживает за вашим сыном? Проявляет больше понимания? Мама более женственна? – психолог сделала небольшую паузу и внимательно посмотрела на клиента. Он расслабился. Ему нравилось всё то, что она говорила о его родительнице. Он согласно кивал головой. Соглашался. Самое время нанести неожиданный удар: – Мама лучше в постели?

– Что?! – взревел Георгий и захлебнулся своей непрости-
тельной расслабленностью. С этой наглой девицей надо быть
настороже! – Что вы себе позволяете? Что за гнусные пред-
положения?!

– Я ничего не предполагаю, – взволнованно проговорила
Евгения. Своей взволнованностью она как бы признала свою
неправоту. Мужчины это любят. – Я просто пыталась понять,
по каким признакам вы сравниваете маму и жену. Я просто
пыталась лучше вас понять.

Женя замолчала и уставилась на Георгия. Она решила
не форсировать его понимание ситуации. Пусть подумает
сам. Никогда не надо жалеть время, которое оплачивает кли-
ент, если это время тратится на самоанализ. Где ещё муж-
чина может позволить себе такую роскошь, как самоанализ,
если не в кабинете психолога.

– Мне ваши сравнения не нравятся!

– Хорошо. Давайте договоримся, что в дальнейшем срав-
нивать будете только вы. Вы жену выбирали сами? Или мама
посоветовала?

– Конечно, сам! Что я, не мужчина, что ли?

– Конечно, мужчина, – легко согласилась Евгения. –
И именно потому, что вы мужчина, вы сами выбрали себе
жену, без чьего-либо вмешательства. Можно даже сказать,
что вы женились по любви. Можно так сказать, Георгий?

– Да, можно.

– Замечательно! Мы с вами замечательно работаем, Ге-

оргий! Очень быстро находим точки согласия и несогласия. И проявляем уважение к мнению друг друга, вы не находите?

– Да, нахожу, – Георгий смотрел настороженно. Ему не нравилось, что эта психолог так быстро с ним во всём соглашается. Хвалит. Что-то она замыслила. Очень хотелось бы понять, что у неё на уме. Что вообще у всех этих женщин на уме?!

– Я очень рада, что мы с вами так продуктивно общаемся. С женой вы общаетесь так же?

– Нет!

– Странно. Очень странно. Вы такой вдумчивый и приятный собеседник. А что, на ваш взгляд, у вас не складывается в общении с женой? Только постарайтесь сформулировать краткий ответ.

– Она меня не понимает! Совсем! Она...

– Собака вас понимает лучше?

– Да!

– И мама вас понимает лучше?

– Никакого сравнения!

– Замечательно! Замечательно, Георгий! У вас уже есть как минимум два человека, которые вас понимают. Это большая удача, – психолог выдала одну из своих наработанных улыбок и взяла паузу. Ей необходимо было проследить за реакцией клиента. Она, в угоду ему, засчитала собаку за человека. Может, конечно, эта незнакомая ей собака и заслуживает столь высокого звания, но сама Евгения не хотела бы ис-

кать понимания у домашнего любимца. – Вернёмся к вашей жене. С самого первого дня знакомства, можно даже сказать, с той самой минуты, как вы влюбились в свою будущую жену, она вас не понимала?

– Ну, почему же... – Георгий неуверенно заёрзал в своём кресле. – Мы прекрасно ладили. Но теперь я осознал, что она меня никогда не понимала, а просто подстраивалась!

– Подстраивалась? Под вас? Для чего?

– Чтобы я на ней женился!

– Вам самому пришла эта мысль в голову или вам её кто-то подсказал? Ваша мама? Или ваша собака?

– Вы обещали не сравнивать маму с собакой!

– Я не сравнивала, Георгий. Я просто перечислила всех тех, кто вас понимает. Так кто вам подсказал эту мысль. Мама?

– Мама не подсказывала, она уважает моё личное мнение. Просто мы с ней это моё мнение обсуждали.

– Замечательно! Замечательно, Георгий! С вами очень легко работать, – психолог полистала свой блокнот, сделала запись: «К чёрту этого Георгия». Довольно улыбнулась. Клиент тоже улыбался, как успела она заметить. Ему нравится, что его хвалят и внимательно относятся к тому, что он говорит. Так внимательно, что даже записи делают. – Давайте мы с вами подытожим всё то, о чём мы говорили. Вы, как настоящий мужчина, ни с кем ничего не обсуждаете. Кроме мамы. Далее. Вам и вашей маме кажется, что ваша жена с первого

дня знакомства под вас подстраивалась, чтобы выйти замуж за нелюбимого и несчастливо прожить с вами и вашей мамой всю оставшуюся жизнь. Так?

– Нет, не так! – вскинулся Георгий. – Вы сделали неправильный вывод. Вы всё перевернули с ног на голову.

– Согласна, я сделала неправильный вывод. Помогите мне сделать правильный вывод. Вам это должно быть несложно. С какой целью ваша жена вышла за вас замуж?

– Что значит – с какой целью? Она меня любила!

– До свадьбы ваша жена вас любила? – психолог внимательно посмотрела на клиента и сделала запись в своём блокноте: «И за что такого можно полюбить?» – Вы в этом уверены?

– Да, конечно, – Георгий расправил плечи и вскинул голову. Просто Георгий-победоносец какой-то.

– И, как я понимаю, вы тоже свою будущую жену любили?

– Очень любил! Я даже с мамой из-за неё поругался. Ну, чтобы жениться.

– А мама была против вашего брака?

– Ну, в общем-то, да. Мама, скорее, была против.

– Как она это выражала?

– Что?

– Ну, своё несогласие с вашим выбором.

– Моя мама – интеллигентный человек.

– То есть ваша мама выражала своё несогласие интеллигентно? Без крика-шума. Без рукоприкладства.

– Ну что вы, конечно, без рукоприкладства. Даже можно сказать, что мама не выражала открыто своего несогласия.

– Вы считаете, это хорошо – не выражать открыто свои чувства?

– Конечно. Это не создаёт проблем.

– Кому?

– Что – кому?

– Кому не создаёт проблем? – терпеливо пояснила Евгения. Что же до этого Георгия всё так тяжело доходит? Практически каждый вопрос он переспрашивает. Скорее всего, не привык сам принимать решения. Ему явно не хватает советчика. Не хватает мамы.

– Во всяком случае, мне мама проблем не создаёт.

– То есть ваша мама тихо, интеллигентно страдает, молча, но достаточно красноречиво выражает своё несогласие с вашим выбором, а вас это никак не задевает?

– Что значит – молча, но красноречиво?

– Ну, если бы ваша мама просто молчала, то вы бы не догадывались о её несогласии с вашим выбором. А вы об этом несогласии точно знаете. Вот что, Георгий, давайте оставим тему «мама-жена» в покое. Пока. В каких-то других жизненных ситуациях ваша мама высказывала открытое несогласие с вашим выбором?

– О каких ситуациях вы говорите?

– Ну, например... – Евгения потянулась за блокнотом. Полистала. Сделала запись: «Маменькин сынок с завышенным

самоуверенностью». – Например, устроила ли вашу маму профессия, которую вы себе избрали? Кстати, кто вы по специальности?

– Я экономист. Пошёл по маминым стопам.

– Мама тоже экономист?

– Мама – бухгалтер. Между прочим, очень хороший бухгалтер. Её на работе ценили.

– Даже не сомневаюсь. То есть выбор специальности мамино несогласие не вызвал?

– Нет.

– Выходит, единственное, чем вы не угодили маме – это женитьба. Или можете ещё что-то вспомнить? Смелее, Георгий. Если вы вслух выскажете своё несогласие с мамой, то это вовсе не будет означать, что вы её не любите и не цените её заботы о вас.

– Вас интересует моё несогласие с мамой или её несогласие со мной?

– Мне интересно любое несогласие в ваших взаимоотношениях, – Евгения многозначительно замолчала. Надо дать клиенту время принять решение. Начнёт говорить – будем работать дальше. Нет – ничего не получится. В блокноте Евгения сделала запись: «Не забыть убить Томку».

Георгий молчал. Обдумывал. Почему-то вспомнилось, как он был счастлив в первые месяцы женитьбы, когда мама ещё жила в своей квартире и только приходила в гости. Он тогда чуть работу не потерял из-за частых прогулов.

Не мог от жены оторваться. А мама приходила, вела светские беседы, всячески демонстрировала своё дружеское отношение к Тане, предлагала что-то приготовить, а сама в это время бросала осуждающие взгляды на неубранную кровать и брезгливо перекладывала грязные тарелки с кухонного стола в раковину. Танюша смущалась, украдкой улыбалась ему, пожимала плечами. А он так переживал, что мама расстраивается, что начинал делать жене замечания. А мама всегда его останавливала. Говорила, что не надо обижать Таню, что она всему-всему свою невестку научит. И учила. Каждый день учила. Трогательно и последовательно.

– О чём вы думаете, Георгий? – Георгий вздрогнул и посмотрел на психолога. Он совсем забыл о её присутствии в кабинете. – Вы вспомнили о каких-нибудь разногласиях с мамой?

– Да, вспомнил. Мама была против собаки.

– Против той самой собаки, которую вы считаете человеком?

– Да.

– Как собака появилась в вашем доме?

– Я её купил.

– Самостоятельно?

– Да. Я всегда мечтал о собаке.

– А жена поддержала вас? Или она тоже была против собаки?

– Я сначала купил собаку, а потом женился.

– То есть женитьба – это второй ваш самостоятельный поступок?

– Мне не совсем нравится то, как вы ставите вопрос.

– Не совсем нравится или совсем не нравится?

– Вы видите принципиальную разницу?

– Я вижу, да. Но у вас может быть своё мнение. Отличное от моего. Собака – это первый ваш протест против маминого мнения?

– Это не было протестом, как вы не понимаете! Я просто купил собаку, и всё!

– Вы мечтали о собаке или купили спонтанно?

– Я мечтал о собаке с самого детства. Я мечтал о том, кто бы любил меня молча.

– И вот вы купили собаку. Как вы привели её домой?

– Кого?

– Собаку.

– Нормально привёл. Я тогда уже жил в своей квартире. Один жил.

– Вы сами купили квартиру?

– Нет, не сам. Это папа.

– Папа подарил?

– Нет, не подарил. Просто купил.

– Мама одобрила эту покупку?

– Папа с мамой не советовался.

– То есть есть люди, которые позволяют себе не советоваться с вашей мамой?

– Я вообще не понимаю, при чём тут моя мама? Я к вам пришёл не маму критиковать. У меня совсем другая проблема.

– Я знаю. Как, кстати, вашу маму зовут?

– Эмма Львовна.

– Георгий, я бы всё-таки хотела услышать ответ на свой вопрос. Ваш папа игнорирует мнение своей супруги?

– Отец не живёт с нами. Он ушёл от нас, когда мне исполнилось три года.

– Он ушёл от вас или от жены?

– Я не вижу принципиальной разницы.

– Вы все эти годы с отцом общались?

– Нет. Мама даже от алиментов отказалась.

– Я спрашиваю не о взаимоотношениях ваших родителей.

Мне интересно – общались ли вы с отцом?

– Нет, не общался.

– Почему? – Георгий смотрел на Евгению с недоумением. – Вам мама не разрешала?

– Что значит – не разрешала? Я был ему неинтересен.

– Папа сам вам сказал, что вы ему неинтересны?

– Нет, что вы!

– А кто? Мама?

– Мама? – Георгий выглядел растерянным. – Нет, не мама!

Вернее... Открыто мама об этом никогда не говорила.

– То есть в ваших отношениях с отцом ваша мама проявляла такую же интеллигентность, как и в ваших отношениях

с женой? Молча страдала в вашем присутствии и каким-то непостижимым образом доносила до вас свои мысли?

– Мне не хочется обсуждать маму.

– Не будем. Итак, папа, которому вы совсем неинтересны, дарит вам квартиру. Вы её спокойно принимаете, и мама не возражает?

– Мы с мамой решили, что это никакой не подарок. Это отец таким образом вернул долг. Он же не платил алименты. Мама одна меня тянула.

– Это вы так решили вдвоём с мамой, или же мама высказала своё мнение, а вы с этим мнением согласились? И потом, вы мне говорили, что мама сама отказалась от алиментов.

– Мне кажется, к моей проблеме это не имеет никакого отношения.

– Согласна. А какая у вас проблема?

– А вы всё ещё не знаете? – с сарказмом спросил Георгий.

– Нет, не знаю, – Евгения внимательно смотрела на клиента. – Вы свою проблему, если она у вас, конечно же, есть, ни разу вслух не озвучили. «Развод» в анкете мне ни о чём не говорит.

– Я хочу развестись с женой, – чётко произнёс Георгий.

– Действительно хотите?

– Да.

– Так разводите. В чём проблема?

– Как это в чём? Вы хотите, чтобы я развёлся?

– Нет, не хочу. Мне ваша жена очень даже симпатична.

– А вы с ней знакомы? – Георгий смотрел с подозрением.

– Нет, незнакома. Но я и с вами, Георгий, практически незнакома.

– А если вы с ней незнакомы, то на чём основывается ваша симпатия?

– Женская солидарность, – Евгения позволила себе лёгкую улыбку. Совсем лёгкую, чтобы не вызвать раздражение у клиента.

– То есть я пришёл не по адресу?

– В каком смысле?

– Понимания я от вас не добьюсь. Сквозь женскую солидарность мне не пробиться.

– А вы пришли за пониманием?

– Нужно мне ваше понимание.

– Ну, вот видите. Вы в моём понимании не нуждаетесь, так что можем продолжить наш сеанс. Вы, кстати, мне тоже очень симпатичны. Так же, как и ваша жена.

– Да? – Георгий смотрел с подозрением. – И чем я заслужил эту вашу симпатию?

– Мы с вами уже полчаса общаемся, и вы не сказали ничего плохого о жене. Это достойно уважения. Поэтому я даже не могу понять, чем вызвано ваше желание разводиться.

Георгий задумался. После минуты тяжёлого и непродуктивного молчания Евгения поняла, что надо поговорить о чём-то, что никак не касается развода.

– Георгий, а почему мама не приобрела вам собаку в детстве? Если вы так о ней мечтали?

– О ком мечтал?

– О собаке.

Георгий глубоко вдохнул и легко выдохнул. Тема развода для обсуждения отложена.

– У мамы на собак аллергия.

– У Эммы Львовны в детстве была собака?

– Нет.

– А кошка?

– Нет.

– А аллергия?

– Нет, – не задумываясь, ответил Георгий. Запнулся. Посмотрел на психолога. – Вернее, да. Аллергия была.

– Как ваша мама узнала об аллергии на домашних животных, если питомцев у неё никогда не было?

– Не знаю... – Георгий выглядел растерянным. – Я не задавал ей этого вопроса.

– Почему?

– Что – почему?

– Почему не задали этот вопрос? Он вам не пришёл в голову или же вы не привыкли задавать маме неудобные вопросы?

– Я бы не хотел обсуждать свои отношения с мамой. Я не за этим пришёл

– Хорошо, – Евгения выдала одну из своих обезоружива-

ющих улыбок. – Поговорим о другом.

– О чём?

– Ну, например, о вашей собаке, – Женя выдержала паузу. Клиент расслабился и счастливо улыбнулся. – Как её, кстати, зовут?

– Кого?

– Собаку, Георгий. Мы же с вами решили поговорить о собаке.

– Её зовут Ольга.

– Кого? – на этот раз с удивлением переспросила Евгения

– Мою собаку зовут Ольга.

– Вы назвали собаку женским именем?

– Да. Это получилось случайно.

– Да... – Евгения старалась не выдать своей растерянности – Георгий, давайте постараемся выстроить хронологию хотя бы в одном из ваших жизненных направлений. Итак, вы с детства мечтали о собаке, но мамина аллергия не позволяла этой мечте осуществиться. Затем – папа возвращает вам долг в виде квартиры. Вы благосклонно квартиру принимаете, и мама этой вашей благосклонности не препятствует. Как только в вашей жизни появилась квартира, вы смогли осуществить свою мечту и купили собаку. Папу при этом в свою жизнь не пустили. И правильно. Папа не заслужил. Папа не имеет никакого отношения к осуществлению мечты.

– Вы опять всё перевернули с ног на голову! Вы всё время переворачиваете факты! При чём тут папа?

– Папа ни при чём. И факты я не перевираю. Я просто проговариваю вслух ту информацию, которую получаю от вас. И говорим мы сейчас о собаке. Восстанавливаем хронологию событий её появления в вашей жизни.

– Что вы прицепились к моей собаке?

– Я к ней не прицепилась. Вы сами сказали, что собака – именно тот человек, который вас понимает. А я хочу понять вас. Пусть даже через собаку.

– Странно...

– Что вас удивляет?

– Меня никто никогда не хотел понять.

– Даже собака?

– Даже собака. Но она, в отличие от других, всегда принимала меня таким, какой я есть. Любила молча.

– Это хорошее качество. Ваша собака заслуживает уважения, – Евгения внимательно смотрела на клиента. Его совсем не смущал разговор о собаке как о человеке. – Итак, Георгий, продолжим восстанавливать хронологию. У вас появилась своя квартира. Квартира, купленная папой, позволяет забыть о маминой аллергии и осуществить детскую мечту. Так?

– Не так!

– Что неправильно?

– Всё неправильно!

– Хорошо, Георгий. Предлагаю вам самому выстроить цепочку.

– Да вы, в принципе, факты изложили правильно. С одной стороны.

– А с другой стороны?

– А с другой стороны, совсем неправильно.

– Например?

– Например... – Георгий отвёл взгляд. Помолчал. – Я никогда не забывал о маминой аллергии.

– О маминой предполагаемой аллергии.

– Почему вы так говорите? – вскинулся Георгий. – Предполагаемая аллергия! Что это значит?

– Это значит, если я вас правильно поняла, проявлений этой самой аллергии вы никогда не видели. Иначе вы бы собаку не купили. Вы об этой болезни, которая мешала осуществлению вашей детской мечты, знали только с маминых слов. Так?

Георгий молчал и выглядел растерянным. От недавней виновности не осталось и следа. Евгения тоже решила выдержать паузу. Эта пауза пойдёт на пользу им обоим.

– Я могу продолжить? – спросила психолог, прервав затянувшееся молчание.

– Да, пожалуйста, – клиент выглядел подавленным. Эта подавленность Евгении совсем не понравилась. Она вовсе не хотела его подавлять. Не хотела выступать в роли мамы. При маме он не раскроется. Ничего не проанализирует. Не сделает выводов и уж тем более не примет правильного для себя решения.

– Покупая собаку, вы рассчитывали на то, что мама не станет ходить к вам в гости?

– Нет, нет, не так! Я просто очень хотел собаку! Я мечтал о ней с детства!

– А как же мамина аллергия? – спросила очень мягко Евгения. Она понимала всю важность вопроса. На её взгляд – это самый переломный момент в их беседе.

– Аллергия? – переспросил Георгий. – Вы правы. В чём-то вы, конечно, правы...

– В чём? Проговорите это вслух, пожалуйста.

– Я никогда не видел у мамы проявления этой самой аллергии.

– Вы ей не верили? С самого детства?

– Не верил, но...

– Но не возражали.

– Да, наверное, это правильное определение. Не возражал.

– Вы часто не верили и не возражали? Например, вы верили, что ваш отец не хочет с вами общаться?

– Я не хочу обсуждать эту тему. Это личная жизнь моих родителей. Их личная жизнь никак не связана с моим предполагаемым разводом.

– Хорошо, – быстро согласилась Евгения.

Она поняла, что поторопилась с вопросом об отце. Нельзя рушить все иллюзии одним ударом. Иной раз разрушенные иллюзии лишают человека точки опоры. Клиент и так согласился с тем, что не верил в наличие аллергии с самого дет-

ства. Для него это подвиг. Надо было дать ему возможность почувствовать себя героем. А себе в достижения Евгения записала то, что Георгий назвал развод предполагаемым.

– Почему вы всё время со мной соглашаетесь? – задиристо спросил Георгий. Психолог подавила улыбку. Эту задиристость мужчине сейчас можно простить. Или, во всяком случае, не заметить. Эта лёгкая воинственность поможет ему восстановить чувство собственного достоинства.

– А вам больше нравится, когда с вами спорят?

Георгий внимательно посмотрел на психолога. Неожиданно улыбнулся. Выдохнул. Расслабился.

– Нет, мне нравится, когда со мной соглашаются.

– А кто назвал собаку Ольгой? Вы?

– Ну, можно и так сказать.

– Вы на все вопросы отвечаете очень расплывчато.

– Когда я купил собаку, я не выдержал и по дороге домой позвонил маме.

– Вы хотели похвастаться собакой или досадить маме?

– Нет, не хотел досадить. Зачем мне это? – Георгий задумался. – И похвастаться не хотел. Вы, Евгения, так интересно ставите вопросы, что я совсем под другим углом рассматриваю многие эпизоды своей жизни.

– Тогда для чего позвонили? – Евгения решила оставить комплимент без внимания.

– Просто хотел поставить маму в известность.

– И вот вы её известили. Какой была реакция?

– Мама сказала, что очень рада. И когда я с собакой добрался до дома, мама уже была у меня. Мы живём в соседних домах. Папа специально искал квартиру рядом, чтобы мама не оставалась без присмотра.

– Или чтобы вы не оставались без маминого внимания?

– Не думаю...

– У мамы есть ключи от вашей квартиры?

– Да, конечно.

– Почему – конечно?

– Я не понял смысла вопроса.

– Вы считаете само собой разумеющимся то, что у вашей мамы есть ключи от вашей квартиры?

– Наверное, да... Да, наверное... – Георгий не выглядел растерянным. Скорее всего, он впервые позволил себе критические мысли в адрес мамы.

– То есть неожиданные визиты мамы никогда не доставляли вам неудобства? Или визиты не были неожиданными? Ваша мама, как правило, предварительно звонит и предупреждает о своём приходе?

– Нет, мама не звонит. Но прежде чем открыть дверь своим ключом, она постукивает.

– Постукивает? – Евгения позволила себе лёгкую ухмылку. – И как долго?

– Я не понял смысла вопроса.

– В тюрьмах люди общаются посредством перестукивания. Это скрашивает их досуг. Ваша мама владеет техникой

азбуки Морзе?

– Нет. Я думаю, что нет.

– Как долго ваша мама постукивает, как вы выразились, прежде чем открыть дверь своим ключом? Около часа или чуть дольше секунды?

Георгий отвёл взгляд и задумался. Евгения удивилась, что такой простой и где-то даже шуточный вопрос вызвал у клиента замешательство. Очень интересно было бы узнать, о чём он сейчас думает. Женя потянулась к блокноту. «Постамент, на котором стоит мама, пошатнулся».

– Я думаю, что мамино постукивание длится не дольше минуты, – неожиданно произнёс Георгий. Евгения вздрогнула. Мысленно она крушила пошатнувшийся пьедестал и так этим увлеклась, что совсем забыла о клиенте.

– Минуты? То есть ваш дом – это не ваша крепость, а ваша тюрьма?

– Я не понял вопроса. И мне не понравилась его суть,

– Георгий вновь весь сгруппировался. Пальцы сжаты в кулак.

– Как может не понравиться суть того, что вам непонятно? Я постараюсь разъяснить вам свой вопрос. В камере заключённые играют в карты. Это запрещено. Надзиратель без предварительного постукивания открывает дверь. У заключённых всего несколько секунд на то, чтобы спрятать колоду. Иначе – наказание. Вы с женой вдвоём под душем. Или в постели. Ничего предосудительного или незаконного для лю-

бящих супругов. Но... Раздаётся постукивание и через минуту скрежет ключа в замочной скважине. Пришёл надзиратель.

– Мне не нравится это сравнение.

– Хорошо. Скрежет ключа в замочной скважине. Пришла мама. Ваши действия? Вы продолжаете заниматься тем, чем занимались, или используете минуту на то, что приводите в порядок себя и квартиру?

Георгий сцепил пальцы рук в замок. Отвёл взгляд. Евгения порадовалась тому, что он не стал хрустеть суставами. Психолог позволила себе немного расслабиться, прилегла на спинку кресла, взяла блокнот. «Очень важно, чтобы он понял, что время надзирателей прошло и свобода не самое худшее состояние души».

– Я бы не хотел отвечать на этот вопрос. Это не имеет никакого отношения к тому, что я подумываю о разводе.

– Подумываете? А на мой взгляд – это имеет самое непосредственное отношение к тому, о чём вы подумываете. Возможно, ваша жена о разводе подумывает уже давно. Женщинам тяжелее находиться в заключении. На воле их всегда кто-то ждёт. Ребёнок, подруга. Дела по дому. Новое платье, в конце концов.

– Вот и вы перестали со мной соглашаться, – произнёс Георгий с досадой в голосе. На размышления психолога о жене и роли свободы в её жизни он не отреагировал.

– А кто ещё с вами не соглашается? Мама? Жена? Соба-

ка? – Евгения тоже решила разговор о желаниях и нежеланиях жены клиента оставить на потом. Если это «потом» со-
стоится.

– Мама всегда на моей стороне.

– На вашей стороне? Переходит на сторону противника?

Или всегда вам союзник?

– А в этом есть принципиальная разница?

– Для меня – да. А для вас?

– Мы с вами договаривались маму не обсуждать.

– Мы и не обсуждаем. Я просто пытаюсь понять роль мамы в вашем предстоящем разводе.

– Не предстоящем, а предполагаемом.

– Очень существенная поправка, Георгий. Я с этой поправкой согласна. Так какая роль у вашей мамы в предполагаемом разводе?

– У мамы просто роль мамы. Она к разводу не имеет никакого отношения, – Евгения поняла, что клиент начал терять терпение. – Мама всегда за крепкую семью. Она сама пережила крах семьи и не желает этого мне.

– А давайте, Георгий, поговорим о собаке.

– О какой?

– О вашей.

– А при чём тут моя собака?

– Ну, мы с вами скатились до обсуждения вашей мамы как раз в ходе разговора о собаке. Я всё записываю, Георгий,

– Евгения выдала обворожительную улыбку, чтобы кли-

ент не воспринял её слова очень уж серьёзно, и помахала в воздухе блокнотом. – Итак! Вы купили собаку, позвонили маме, пришли домой, а Эмма Львовна уже на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.